

УДК 9.94

ОСОБЕННОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ОЦЕНКИ АНТОНИО ГРАМШИ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Коскова А. С.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: annakoskovait@gmail.com*

Рассматриваются некоторые дискуссионные вопросы в западной историографии по теме взгляда Антонио Грамши на Октябрьскую революцию и Гражданскую войну в России, затрагиваются вопросы дистанцирования Грамши от Советской России и коммунистического движения, о взгляде итальянского мыслителя на складывающийся новый социальный порядок в СССР после революции, об оценке революционных и постреволюционных событий и их аналогий в мировой истории. Автор статьи анализирует понятия государства, американизма и фордизма, цезаризма, Новой экономической политики, роли большевиков в становлении нового порядка в дискурсе итальянского философа. Позиции Грамши в статье рассматриваются в историческом контексте и сопровождаются анализом противоположных ему по мировоззрению мыслителей.

Ключевые слова: Антонио Грамши, СССР, Тюремные тетради, Ордине нуово, Аванти, Гридо дель пополо, Цезаризм, Американизм, Фордизм, Государство, Октябрьская революция.

Октябрьская революция – явление многомерное и многоплановое. В первую очередь, это выражается в ее мировом масштабе, мировом резонансе. Она повлияла на мировой порядок, на внутреннее положение многих стран и народов. Революционный и постреволюционный советский период нашел принятие или отторжение у мыслителей разных политических и философских воззрений. По-особому к ней относился и итальянский мыслитель и политический деятель Антонио Грамши. В данной статье мы хотели бы осветить точку зрения итальянского коммунистического философа на некоторые спорные моменты данного исторического периода и проанализировать его псевдо-отречение и разрыв мнимый связей с политиком Советской России.

Октябрьская революция – событие, «крестившее» Советскую Россию, которая не смотря на марксистскую теорию в действительности произошла в стране, не входившей в число самых развитых капиталистических стран. Великий итальянский революционер-практик и философ-теоретик Антонио Грамши называет Октябрьскую революцию «революцией против капитала». В статье газеты «Аванти» («Вперед») от 24 декабря 1917 года он без колебаний дистанцируется от «позитивистского и натуралистического налета», который есть и «у Маркса»:

«Да, действительно, «факты превзошли идеологию», и поэтому это не Октябрьская революция должна предстать на суде перед хранителями «марксизма» с целью получения подтверждения своей легитимности; а эта сама теория Маркса должна быть переосмыслена и углублена в свете исторического прорыва, произошедшего в России» [5, с. 513].

За таким началом, бросающим в каком-то смысле вызов марксизму, следует не менее значимое продолжение: в основной части текста автор задается вопросом о том, каковы будут последствия победы большевиков в относительно отсталой стране и, более того, разрушенной войной?

«Вначале будет «коллективизм бедности и страдания». Но те же условия бедности и страдания будут унаследованы от любого буржуазного строя. Капитализм не смог бы сразу сделать в России больше, чем может сделать коллективизм. Он бы сделал сегодня намного меньше, потому что против него сразу бы восстал пролетариат – недовольный, беспокойный, неспособный вытерпеть новой боли и горечи, к которым привели бы экономические трудности [...]. Страдание, которое будет перенесено во имя мира возможно настолько, насколько пролетарий почувствует его именно в своей воле, в собственном упорстве, чтобы подавить его в кратчайшие сроки» [5, с. 514].

В этом тексте военного коммунизма, который в то время, как раз утверждается в Советской России происходит легитимация тактического плана и снятие легитимности с плана стратегического, который был законным для настоящего и перестал быть таковым с появлением взгляда на развитие страны, устремленного в будущее. «Коллективизм бедности и страдания» оправдан для конкретных условий, в которых находилась Россия того времени: капитализм не в состоянии сделать ничего лучше. Но «коллективизм бедности и страдания» должен был быть преодолен «в самые короткие сроки».

Однако, данное утверждение Грамши – далеко не общая тенденция для мыслителя того периода. Представляется необходимым рассмотреть тот исторический контекст, который сложился по данному аргументу в эпоху Грамши.

Следующим образом француз Пьер Паскаль интерпретирует и приветствует большевистскую революцию, непосредственным свидетелем которой он был:

«Уникальное и опьяняющее зрелище: разрушение общества. Актуализируется содержание четвертого псалма воскресной вечерни и Magnificat: мощные удары наносятся по престолу, чтобы избавить бедных от страданий. Богатых больше нет: только бедные и очень бедные. Знание не дает ни привилегий, ни уважения. Бывший работник назначен директором и дает указания инженерам. Придут высокие и низкие зарплаты. Право собственности сокращается до личных вещей» [4, с. 129].

Сложившиеся условия, которые были очень далеки для того, чтобы задуманное революцией свершилось «в кратчайшие сроки», при которых есть «только бедные и нищие» – на языке же Грамши означало «коллективизм бедности и страдания». Но Грамши в это вкладывал положительные коннотации: для него подобное положение дел является синонимом духовной полноты и моральной непреклонности. Паскаль был убежденным католиком, но это не значит, что большевики могли не попасть в поле зрения его взгляда под знаменем популизма и пауперизма. На самом деле, нужно задаться вопросом, нет ли признаков популизма и пауперизма в его понятии «коммунизм» и, что под термином «военный коммунизм» подразумевается режим, характеризующийся кризисом экономики (с частичным возвращением к бартеру) и в некоторых случаях с принудительной реквизицией продуктов, необходимых для

выживания городского населения; это режим, который Грамши более корректно, более правильно определяет как «коллективизм бедности и страдания».

В 1936–37 гг. Л. Троцкий критически говорил об «аскетических тенденциях эпохи Гражданской войны», распространяемых среди коммунистов, чей идеал, казалось, и состоял в «социалистической нищете». Подобное понятие сразу отсылает нас к определению Грамши, однако стоит отметить, что разница между этими двумя пониманиями – двадцать лет [17, с. 238, 254].

Из своего личного опыта духовный климат 40-х годов, который доминировал в постреволюционный период описывает один военный-коммунист: *«Мы, молодые коммунисты, все выросли в убеждении, что деньги исчезли раз и навсегда [...]. А если деньги снова введутся в оборот, тогда снова появятся богатые? Разве мы уже не стояли на скользкой дорожке, которая могла привести нас к капитализму?»* [3, с. 420].

Представляется необходимым обратить внимание на предпосылки анализируемых постреволюционных условий Советской России. Основными факторами, спровоцировавшими катастрофу войны, стали: завоевание колоний, рынков сбыта и сырья, охота за прибылью. Следовательно, «военный коммунизм» стал не только синонимом социальной справедливости, но и гарантией, что таких трагедий больше не будет. Это был климат, который, безусловно, не ограничивался только Россией. В 1918 году молодой Эрнст Блох ждал на волне Октябрьской революции, появление мира, раз и навсегда избавленного от «любой частной экономики», от «экономики денег» и, с ней, от «меркантильной морали, которая превозносит все самое злое, что только есть в человеке» [2, с. 298].

Согласно Манифесту коммунистической партии, «первые движения пролетариата» зачастую характеризуются требованиями выступления под знаменем «всеобщего аскетизма и грубой уравниловки»; с другой стороны, нет «ничего проще, чем придать христианскому аскетизму оттенок социализма» [16, с. 184]. Именно это и происходит в революционной России. Однако следует сразу добавить, что данное явление, настолько подробно описанное Марксом и Энгельсом, значительно превосходит предложенное ими во времени и пространстве. Даже в XX веке, и даже в рамках движений исторического материализма и атеизма, находится подтверждение правилу, согласно которому великие народные революции, массовые перевороты подчиненных классов, как правило, стимулируют спонтанный и наивный популизм, который, игнорируя проблему развития производительных сил, поддерживает тех, кто занимает последнюю ступень социальной иерархии, так называемое восстание бедных и «бедных духом».

Грамши уже с его первых своих выступлений на данную тематику идет вразрез с подобными тенденциями.

Через несколько недель после приветствия «революции против капитала» в статье, опубликованной в газете «Гридо дель popolo» («Крик народа») от 26 января 1918 года, Грамши оправдывает роспуск Учредительного собрания по инициативе большевиков и эсеров. Речь идет о мере, которая является «эпизодом свободы, несмотря на внешние формы, в которые ей – свободе – пришлось неизбежно облечься в жестокий внешний вид» [16, с. 102–103].

Примечательно, что совсем другое и прямо противоположное отношение к этому было у Розы Люксембург, которая в полемике с изменением курса русской революции, считающемся авторитарным или диктаторским, высказывается хвалебно исключительно о свободе как «свободе инакомыслящих» (т.е. крестьян) [15, с. 134]. Несмотря на присущее ей красноречие, которое сделало ее знаменитой, данная позиция далека от убедительной. Как правило, большие революции приводят к конфликту между городом и сельской местностью. Городские массы героев свержения старого режима, которые перенесли на себе основную тяжесть и жертвы борьбы, были, мягко говоря, не очень склонны уступать власть крестьянским массам, которые играли второстепенную роль в революционном процессе, и среди которых влияние недавно свергнутого старого режима еще продолжало ощущаться.

Подобная диалектика проявилась уже в Первой английской революции и в течение всего французского революционного цикла. Что касается последнего, победа якобинцев стала явной победой города, Парижа, не только над католической и традиционалистской деревней Вандеи, но и над институтом провинции, представленной жирондистами. В 1848 году, однако, проходила кампания за победу: отсюда вышла реакция, которая перешла в установление бонапартистской диктатуры. Также в 1871 поражение Парижской Коммуны, кажется, прокладывает путь к восстановлению Бурбонов, то есть политической деэмансипации народных масс, которая должна была быть достигнута посредством возвращения открытой цензуры или путем введения множественного голосования в пользу элит [12, с. 342].

Учитывая вышесказанное, возвращаясь к событиям 1917 года и принимая в расчет ожесточение войны, остроту противостояния между теми, кто был полон решимости продолжить ее или начать с новой силой, и теми, кто хотел всеми возможными путями закончить ее, а также роль международного союза Антанты, который решил предотвратить любыми средствами выход России из войны – все это является доказательством утверждения Грамши. Это – демонстрация того, что победа Учредительного собрания означала бы скорее укрепление демократии, чем возвращение царской власти или, что более вероятно, появление военной диктатуры (поддержанной «союзниками» из Антанты).

Это были годы, когда всеобщая повсеместная мобилизация пошатнула соблюдение законности даже в том, что касается представительных органов. Еще прежде, чем поприветствовать Октябрьскую революцию и поддержать роспуск Учредительного Собрания, Грамши ведет ожесточенные споры с Леонидом Биссолати, который, будучи членом Парламента, благодаря своим радикально интервентистским взглядам, не колеблясь, угрожал депутатам с «пораженческими взглядами»: «Для обороны страны я был бы готов открыть огонь по всем вам!» [12, с. 308].

В эти годы США, несмотря на то, что они были всегда расположены на безопасном расстоянии от эпицентра конфликта, успокоенные окончанием войны и обеспокоенные «революционной опасностью», исходящей от России, Законодательное собрание штата Нью-Йорк исключает из правительства

социалистов, несмотря на то, что социалистическая партия была совершенно законной организацией [14, с. 260].

Не ясно, почему большевистской партии (уже пережившей опыт депортации в Сибирь своих депутатов, которые были против войны) должно быть отказано в «праве» прибегать (с целью спасти революцию и полностью заблокировать войну) к аналогичным запланированным или уже приведенным в действие мерам, но в гораздо менее драматичных условиях в тех же либеральных странах с продолжением тотальной мобилизации и войны, то есть борьбы против революционной пропаганды. Тем более, если на Западе были затронуты или под угрозой применения к ним чрезвычайных мер находились только органы, которые воплощали исключительно принцип законности, в Советской России роспуск Учредительного собрания – это всего лишь момент столкновения двух принципов законности, которые на практике столкнулись уже в февральские дни. О последнем факте Грамши делает заметку, когда подчеркивает контраст между «Учредительным собранием и Советами» (так называется статья): революция кропотливо пытается найти «представительные формы, через которые будет осуществляться суверенитет пролетариата» [8, с. 399].

Чуждость Грамши доктринерству ярко подтверждалось его статьей, опубликованной в газете «Ордине Нуово» от 7 июня 1919 года. Одной из центральных тем или, возможно, основной темой данной статьи является создание государства в Советской России. В данном случае, речь не идёт о создании государства после исчезновения прежнего Государства, согласно ортодоксальному марксизму–ленинизму. Вот, что по этому поводу писал Грамши: «Революция – только тогда не пустая раздутая риторика, когда воплощается в Государстве, когда становится организованной системой власти» [8, с. 57].

Именно в этом утверждении, согласно Грамши, раскрылась величина замысла большевиков. Вначале реализуя, а затем и защищая Октябрьскую революцию, они защищали нацию и российское государство от распада и «балканизации», которые возникают в результате военного поражения и краха старого режима. Грамши считал В. И. Ленина «величайшим государственным деятелем современной Европы», а большевиков – «аристократией в среде государственных деятелей, подобных которым нет ни у какой другой нации». Одной из их заслуг является прекращение «мрачной бездны страданий, варварства, анархии, распада», возникших «в результате долгой и катастрофической войны», они спасли нацию, «великий русский народ» и им удалось «скрепить коммунистическую доктрину с коллективным сознанием русского народа». Дистанцировавшись от прошлого, но, при этом, сохранив с ним связь, установив преемственность с историей своей страны, большевики в то же самое время выражали собой «классовое сознание» и при этом выполняли всенародную функцию: им удалось «добиться поддержки и лояльности у большей части русского народа в новом Государстве» и создать «Государство всего русского народа». И империализм продолжался в его политике агрессии не поэтому, а потому, что «русский народ восстал [...] он полностью вооружился ради своей Валми». Коммунистическая партия, вдохновленная «классовым самосознанием», на самом деле была призвана

возглавить борьбу за национальную независимость, тем самым взяв на себя функцию якобинцев [8, с. 56–58, 60].

В статье Грамши большевики предстают в виде главных действующих лиц в борьбе за строительство на развалинах буржуазного общества Государства и национальных идентичностей, которые играют роль архитекторов спасения Государства и нации от нападков класса эксплуататоров России и всего мира. Такой политический баланс сил был составлен Грамши в 1919 году, и он подтверждается историками 80 лет спустя. Так, Николас Верт замечает (в свое время, он был одним из кураторов «Черной книги коммунизма»): «Без сомнения, успех большевиков в Гражданской войне был обусловлен, в конечном счете, их необыкновенной способностью «строить Государство», которой не было у их оппонентов» [20, с. 26].

В этом смысле большевики действительно являются «аристократией среди государственных деятелей», которые, однако, вдохновлялись теорией, находящейся в явном противоречии с их собственной практикой. Для того, чтобы найти теорию, соответствующую уровню этой практики, необходимо прежде всего обратиться к Грамши. С момента своих первых исследований Грамши демонстрирует более реалистичное представление о пост-капиталистическом обществе, которое должно быть построено, и к тенденции демессиианизации марксизма, нежели Блох и некоторые другие, кто ожидал смену «экономики денег», «меркантильной морали» и их «превращением власти в любовь» [2, с. 298].

Это подтверждается тем фактом, что Грамши наделял НЭП несколько другим значением, чем это было принято как левой, так и правой тенденциями, которые интерпретировали перемены, произошедшие в Советской России, как возвращение к капитализму.

Формулировку с теоретической точки зрения более зрелую в дискурсе Грамши о Новой Экономической Политике мы находим в известном письме к ЦК КПСС от 14 октября 1926: «действительность СССР нас ставит перед феноменом, которого еще «никто и никогда не видел в истории»; класс, политически «доминирующий», «во всей своей целостности находится «в более худших условиях жизни, чем те классы, над которыми он господствует и доминирует». Народные массы, которые продолжают страдать от жизни, полной лишений, дезориентированы от спектакля, который устроил «нэпман, в мехах и при всех благах»; и, тем не менее, это не должно стать причиной скандала или отречения от революции, поскольку пролетариат, как не может завоевать власть, также не может даже и удержать ее, если он не способен жертвовать определенными интересами во имя «общих и непреходящих интересов класса» [6, с. 129–30]. Те, кто считает период НЭПа синонимом возвращения к капитализму, ошибаются в отождествлении экономически привилегированного класса и политически доминирующего класса.

В поддержку данного взгляда выступает вернувшийся из поездки в Москву в 1927 году Вальтер Бенджамин так резюмирует свои впечатления: «В капиталистическом обществе власть и деньги стали измеримыми величинами. Каждая данная сумма денег, конвертируемая в определенную порцию власти, и цена любой власти вычисляема [...] Советское государство нарушило это взаимопроникновение денег и власти. Партия за собой явно оставляет власть, а

деньги отдаются человеку НЭПа» [1, с. 40]. Последний, однако, подвергается «страшной социальной изоляции». Таким образом, Бенджамин не ставил знака равно между экономическим богатством и политической властью.

Несколько недель спустя после публикации этого письма Грамши оказался в руках фашистской полиции. Несмотря на сложную ситуацию, он не пожалел сил, чтобы получить как можно больше книг и журналов, которые позволили бы ему продолжать следить за изменениями в стране, образовавшейся в результате Октябрьской революции. Это вопрос жизненной важности: «что, если мне не удастся получить материал об СССР, который я запросил» – пишет Грамши в письме к Тане 16 ноября 1931 года – «все мои интеллектуальные привычки будут грубо нарушены, и мои условия будут значительно усугублены этим вмешательством» [6, с. 494].

Внимание Грамши прежде всего привлек первый пятилетний советский план. Запланированный процесс реконструкции и развития советской экономики демонстрирует, что был возможен новый социальный порядок. Можно было преодолеть этап «коллективизма бедности и страданий», вызванный катастрофой войны. Но утверждение пятилетнего плана также имеет большое значение в философском плане: как «революция против капитала», так и экономическое и промышленное развитие Советской России – это дополнительное подтверждение того, что, на самом деле «концепция исторического материализма [...] приводит к расцвету частной инициативы и предпринимательства, которые поражают многих наблюдателей», а не к «фатализму и пассивности» [7, с. 893].

Преодоление «коллективизма бедности и страданий» можно считать весьма положительным даже с точки зрения международной политики. Другое дело – угроза, которая нависла над Советской Россией. Ее затяжная дипломатическая изоляция сделала ее уязвимой. Главный вопрос, который беспокоит в этот период Грамши – будет ли возобновляться контрреволюционное вмешательство капиталистического Запада? Грамши ищет в газетах и журналах подтверждения или опровержения его тревог. «Новая Антология» публикует серию статей о международном значении «Английской империи», цель которых – «проповедовать моральную изоляцию России (разрыв дипломатических отношений) и создание единого антироссийского фронта, в качестве подготовки к войне». Да, эти статьи, к сожалению, возможно, вдохновленные важными британскими персоналиями и политическими кругами, стремятся вселить уверенность в то, что война на уничтожение между Англией и Россией неизбежна: война, в которой Россия будет вынуждена сдаться» [7, с. 190].

С появлением Третьего Рейха главной опасностью для России, очевидно, стала Германия: «после демонстрации жестокости и неслыханной подлости так называемой немецкой «культуры», в которой доминировал Гитлер, настало время отметить, «насколько хрупкой является современная культура»» [7, с. 990].

Проявления курса яростного антикоммунизма «гитлеровской партии» не заставили себя долго ждать даже на международном уровне. «Всегда внутренняя политика диктует решения, подразумевая определенную страну. На самом деле ясно, что инициатива, стимулированная внутренними причинами любой страны,

становится «внешней» для страны, которая подвергается инициативе извне». [9, с. 213]

Общезвестно, против кого была направлена агрессивная политика нацистской Германии. Не только «Тетради», даже «Письма из тюрьмы» Грамши свидетельствуют о постоянном сочувствии и интересе их автора, которые он испытывает по отношению к стране, порожденной Октябрьской революцией. Не забываются даже самые тонкие нюансы, о чем свидетельствуют положительные отсылки (в письмах к сыну Делио летом и в ноябре 1936 года) к «газете пионеров» и к «молодой и доблестной советской филологии», к «свежей литературе» и «критически переработанной» о Пушкине и Гоголе [9, с. 179]. И все в том же 1936 году в письме к Юлии Грамши подчеркивает как одну из сильных сторон воспитания сына Делио, тот факт, что он, в отличие от племянника, прожил не «жизнь мелочного и мелкого городка на Сардинии», а живет в атмосфере «мирового города, где текут огромные потоки культуры и интересов и чувств, которыми проникнуты даже уличные продавцы сигарет» [9, с. 194].

До конца жизни Грамши оставалось несколько месяцев. После того, как Грамши до последнего отказывался подписывать прошение о помиловании, еще 25 марта 1937 года, за месяц до смерти, приближение которой он предчувствовал, мыслитель просит Пьеро Сраффа, чтобы он передал товарищам по партии, его идеи о лучшем способе ведения политической борьбы, в то время как по другой версии Грамши поручает ему подготовить черновик запроса на эмиграцию: он надеется выехать в СССР – в Москву, город, о котором в письмах Юлии за год до этого он отзывается в лестных тонах [18, с. 220–221]. Таким образом, не только письменные тексты, но и свидетельства очевидцев и фактическое поведение – все это опровергает тезис об окончательном разрыве Грамши с СССР и с коммунистическим движением, который сегодня имеет широкое распространение.

Конечно, позиция Грамши в поддержку Советской России никогда не опускалась до уровня простой апологетики. В его текстах мы встречаем критическое отношение в самом высоком смысле этого слова. Критика в случае Грамши – это не синоним холодности или дистанцированности, а наоборот – выражение трепетного и глубоко сочувственного участия по отношению к историко-политическому феномену, созданному большевистским Октябрем, которое и являлось основой исследований Грамши. Следующий пример может пролить свет на подход, свойственный Грамши. В 30-е годы обоснования обеих набирающих обороты тоталитарных систем распространяется настолько, что с ними вступают в полемику Троцкий и Бухарин, которые под категорией «тоталитарный режим» (или «тоталитарная диктатура») и «Тоталитарное всемогущественное Государство», ставили в один ряд СССР Сталина и Германию Гитлера [13, с. 17–20, 88–92, 76–81]. Совсем не так в «Тетрадах» Грамши, где нет представления об СССР как о «диктатуре пролетариата» или как о «подлинной демократии», но речь идет о режиме «цезаризма». При этом, Грамши подчеркивал отличие «прогрессивного цезаризма» от цезаризма другого типа – «регрессивного, воплощением которого в XX веке стали режимы Муссолини и Гитлера» [6, с. 1194].

Другими словами, критика Грамши никогда не впадал в «чистое поражение», в котором в «Тетрадах» автор упрекает Бориса Суварина. Последний, будучи руководителем высшего уровня Французской Коммунистической Партии и Третьего Интернационала, становится яростным критиком большевизма и Советской России, а с 1930 года он начинает публиковать свои обвинительные статьи в политическом журнале «La Critique sociale» («Социальная критика»). Грамши внимательно следит за публикациями в этом журналом и осуждает его неспособность понять невероятную сложность процесса строительства нового социального порядка.

С точки зрения сочувствующего Суварину Франсуа Фюре, первый «принадлежит к той категории интеллектуалов, которые испытывают саркастическую радость от того, что они становятся в оппозицию большинству людей» [4, с. 133]. Именно против подобного «умничания» Грамши высказывается в «Тетрадах»: *«Непрерывно говорят банальные вещи с наглостью, присущей тем, кто самовлюблен и самодоволен [...] Да, это правда, что речь действительно идет о работе над созданием элиты, но эта работа не может быть отделена от работы по воспитанию широких масс. Наоборот, эти два вида деятельности являются на самом деле одним процессом, и именно это создает трудность [...]»; в общем, я имею в виду, что речь идет о необходимости одновременно проводить Реформирование и Возрождение». В заключение он пишет: «Очевидно, что молекулярный процесс утверждения новой цивилизации, который происходит в современном мире, не может быть понят без первоочередного понимания исторической связи Реформация-Возрождение» [6, с. 891–892].*

По мнению Грамши только филистер может удивляться тому, что, новый порядок, в процессе своего трудного рождения и обретения конкретной формы, не может принять уже заранее подготовленную форму мирового порядка, который он намерен свергнуть, и вековой опыт управления, на который он может опираться. Достаточно сравнить Гуманизм–Ренессанс с одной стороны и Реформацию с другой, то есть, в идеал-типическом смысле, Грамши имеет в виду Эразма Роттердамского и Лютера. Ведь именно реформы Лютера заложили основу ликвидации старого режима и появления новой и более передовой цивилизации с более обширной социальной основой.

Аналогично необходимо рассматривать историческую веху событий, начавшихся в октябре 1917 г.: *«Если необходимо написать исследование о Союзе [Советском], первая глава, или даже первый раздел книги, должен быть разработкой материалов по теме «Реформация и Возрождение»» [6, с. 893].*

Таким образом, можно говорить о том, что «Тетради», в первую очередь, являются историко-теоретической подводкой напряженного и противоречивого процесса строительства «нового порядка». Согласно Грамши, России Сталина необходимо было действовать в такой же манере, как и Германии Лютера.

Но если это так, то остается вопрос: чем можно объяснить интенсивное и продолжительное внимание, начиная с 1929 года – как свидетельствует письмо к Тане от 25 марта этого же года, которое Грамши оказывает темам «американизма» и «фордизма» [9, с. 248]? Отсюда вытекает следующий вопрос: разве положительное

суждение, выраженное по данному аргументу в «Тетрадах», не подтверждает растущее отчуждение революционера в тюрьме от коммунистического движения? Следует сразу сказать, что страницы 22-й Тетрады «Американизм и фордизм» речь идет не только о Соединенных Штатах, но и о Советской России, и, возможно, о последней даже больше, чем о Соединенных Штатах. Для прояснения необходимо обратиться к текстам и к исторический контексту.

Так, известно, что Пьер Паскаль приветствовал Октябрьскую революцию как появление общества, в котором есть «только бедные и нищие» и чье моральное благородство состоит из относительно равного распределения нищенства. Подобное видение, а также незаинтересованность в развитии производительных сил и социального обогащения, является общим ощущением. После поездки в Москву Бенджамин сообщает: ««Труд», профсоюзное рабочее учреждение, посредством настенных плакатов проводило [...] кампании за пунктуальность [...] «время – деньги»; но, чтобы утвердить подобный странный призыв на афишах прибегали даже к авторитету Ленина. Настолько подобный «менталитет» чужд русскому народу. Надо всем преобладает их игривый инстинкт [...] если, например, на улицах снимают какой-нибудь фильм, они забывают, куда и зачем они идут, они смотрят часами за съемочной группой и приходят на работу в замешательстве. С течением времени понятие «русский» останется до последнего синонимом «азиатского»» [1, с. 34–35].

Обращение к рационализации производства и пониманию того, что «время – деньги» с трудом приживалось, потому что «азиатское» мировоззрение, которое можно назвать по-другому «азиатизмом», имеет склонность к попаданию под влияние популистов, которые только и мечтали об обществе, в котором никто не спешит или не беспокоится о том, чтобы упорядоченно выполнять свою работу и свою производственную задачу. Такое понятие «азиатизма» Ленин определенно не разделяет, о чем в марте – апреле 1918 году он предупреждает: «В сравнении с работниками из более развитых стран, русский – это плохой работник [...] Научиться работать – вот задача, которую советская власть должна поставить перед народом» [11, с. 27, 231]. Таким образом, нужно было учиться у самых развитых стран капиталистического Запада. Этот тезис подтвердил Ленин, например, в октябре 1920 г.: «Мы хотим превратить Россию из страны, ничтожной и бедной, в богатую»; для того, чтобы достичь этого результата, необходимо прибегнуть к «организованной работе», «работе сознательной и дисциплинированной», для того, чтобы усвоить и применить на практике «последние достижения техники», в том числе, очевидно, и американский тейлоризм. В противовес «азиатизму» в данном конкретном случае «американизм» мог играть положительную роль [11, с. 31, 283–84].

Паскаль с этим не согласен. Во второй половине 20-х годов он жалуется, что «с материальной точки зрения все идет к американизации» (под этим подразумевается идолопоклонство экономического и технологического развития); правда, некоторые экономические успехи были достигнуты, но «ценой невероятной эксплуатации рабочего класса» [18, с. 33–34].

На этой же позиции, правда в более радикальном варианте, стояла французка Симона Вейль, которая в 1932 году приходит к выводу, что Россия уже тогда взяла себе за образец развития модель Америки, эффективности, продуктивности и «тейлоризм», порабощение работника на производстве: «Тот факт, что Сталин, на вопрос, что находится в центре конфликта между трудом и капиталом, отказался от точки зрения Маркса и соблазнился на капиталистическую систему в ее наиболее совершенной форме, показывает, что СССР все еще далек от расцвета культуры рабочего» [19, с. 106–107].

Это были годы, когда критика «американизма» появляется у авторов и политических кругов совершенно различной ориентации. При посещении Советской страны в период с сентября 1926 по январь 1927 года великий австрийский писатель Йозеф Рот, осуждает процесс «американизации»: «Америку презирают за то, что она – капитализм без души, страна, в которой золото – это Бог. Но Америкой восхищаются за то, что она – воплощение прогресса, электрического уюта, гигиены и акведуков». В заключение он добавляет: «Это – современная Россия, технически прогрессирующая, и с американскими амбициями. Это уже не Россия». «Духовный вакуум» все-таки появился в стране, которая изначально подавала так много надежд [13, с. 279].

Заслуживает внимания и позиция Мартина Хайдеггера, который в 1935 году упрекает США и СССР (и коммунистическое движение), в том, что они представляют с метафизической точки зрения принцип, который заключается в «ужасе развязанного процесса технизации» и в «стандартизации человека». И через несколько лет в 1942 году он делает следующий вывод: «большевизм – это просто один из вариантов американизма» [10, с. 40–41, 53, 86].

Данный спор, в котором участвуют и советские руководители, уже вступившие на путь, который вызвал разочарование или скандал со стороны популистов. В 1923 году Бухарин провозглашает: «нам нужно объединить Америку с марксизмом». В свою очередь, Сталин на страну, которая также участвовала в военной интервенции против советской России, как кажется, смотрит с таким сочувствием, и обращает многозначительный призыв к большевикам: если мы хотим быть действительно на высоте «основ ленинизма», мы должны уметь сплести «импульс русский революции» с «духом американской практики». Как позднее уточняет Сталин в 1932 году, Соединенные Штаты, безусловно, являются капиталистической страной, тем не менее, «их традиции в промышленности и производственной практике имеют что-то от демократизма, чего нельзя сказать о капиталистических странах старой Европы, где все еще жив дух благородной феодальной аристократии». [12, с. 205]

Необходимо заметить, что у Бухарина и у Сталина «американизм» и «американский практический дух» означают крупное и масштабное развитие производительных сил и крупной промышленности: в Америке развитие стало возможным из-за отсутствия паразитарного богатства, которое является наследием прежнего режима. И именно у такого «американизма» и «американского практического духа», по их мнению, Россия должна учиться, чтобы выйти из отсталости к строительству социализма.

После рассмотрения исторического контекста необходимо перейти непосредственно к тексту Грамши. Оценивая «американизм» (или некоторые его аспекты), Грамши полностью отказывается (уже в тот момент, когда он приветствует Октябрьскую революцию), идентифицировать социализм с «коллективизмом бедности и страдания». Там же в «Тетрадах» подчеркивается преемственность с ранним периодом творчества Грамши, поскольку уже в «Ордине Нуово» используется термин «американизм» [6, с. 72]. Следует обратить внимание на некоторые моменты в публикациях июля – августа 1920 года: основные задачи совета завода, на котором «работник выступает в качестве производителя», являются «контроль над производством» и «разработка трудовых планов» [8, с. 422]. Но как выполнить такие задачи? «На заводе рабочие – это производители в том смысле, что они взаимодействуют таким образом, что они точно распределены в зависимости от промышленной техники, которая (в некотором смысле) не зависит от способа присвоения ценности продукции, в процессе подготовки продуктов производства» [8, с. 424]. Будучи революционными органами, Советы заводов минуют экономический тред-юнионизм, который способен видеть в работнике только продавца его рабочей силы, стремящегося повысить ее цену посредством организации и профсоюзной борьбы, но не «производителя»; и отвергают анархизм, традиционно склонный к луддизму. Правильно понимаемый «американизм» является неотъемлемой частью революционного проекта или, по крайней мере, революционного проекта, который отказывается от скатывания в «коллективизм страдания и бедности». Не случайно, между октябрём и ноябрём 1919 года, «Ордине Нуово» посвящает ряд статей тейлоризму, в которых анализируется, в конечном счете, различие между «богатыми научными достижениями» (о которых говорит Ленин) и их капиталистическим использованием.

Теперь можно лучше понять «специальную» «Тетрадь 22», посвященную «Американизму и фордизму». В параграфе первом можно найти следующее: «Ряд проблем должны быть рассмотрены в этой общей и несколько условной рубрике «Американизм и фордизм»». Таким образом, перед нами – «общая» тема, которая открывает множество проблематик, и в которой Грамши пишет «условным» языком, учитывая опасность вмешательства фашистской цензуры. Двадцать вторая Тетрадь, таким образом, проясняет спорный момент: «Можно сказать, в общем, что американизм и фордизм оказываются необходимыми для достижения организации программной экономики и, что различные рассмотренные вопросы должны быть звеньями одной цепи, означающими переход от старого экономического индивидуализма к программной экономике» [6, с. 1139].

Достаточно трудно сказать, идет ли здесь речь о Штатах и о том, что они совершили «переход» к «программной экономике», или же автор делает отсылку к советской России. Тетрадь, которую мы анализируем, заканчивается утверждением, согласно которому в США, в отличие от множества созданных мифов, происходила не просто классовая борьба, но она была еще и «самой необузданной и жестокой борьбой одного класса против другого» [6, с. 1181]. В первом абзаце текста присутствует следующее: «Прогрессивная попытка, предпринятая одной, или другой силой не прошла без фундаментальных последствий: подчиненные силы,

которые должны быть «манипулируемой» стороной или рационализированы в соответствии с новыми целями, обязательно сопротивляются. Но также сопротивляются некоторые части доминирующих сил или, по крайней мере, союзники правящих сил» [6, с. 1139].

Таким образом, фордизм и американизм сражаются с разными и противоположными перспективами и противоположными социальными силами.

С одной стороны, есть «общие места». Так, Грамши согласен с Гульельмо Ферреро, который пишет хвалебно о Европе как о хранителе «качества» и высказывает свое презрение США – чемпиону по «количеству» [6, с. 1180]. На самом деле, с подозрением и враждебностью смотрят в Европе, где до сих пор ощущается присутствие классов, связанных с прежним режимом и бенефициарами исключительно паразитарного богатства, на «замену нынешнего плутократического класса новым механизмом накопления и распределения финансового капитала, основанного непосредственно на промышленном производстве» [6, с. 940]. Здесь явно заметно осуждение Грамши «антиамериканизма», который является «комичным, если ни сказать, глупым» [6, с. 635].

Тетрадь об «Американизме и фордизме» заканчивается жесткой полемикой Гульельмо Ферреро, «духовным отцом всей глупой идеологии о возвращении к ремесленничеству» [6, с. 1180]. Но не только с Ферреро. В годы, когда Грамши настаивает на потенциале эмансипации в условиях большой фабрики, и, следовательно, на необходимости рабочего и коммунистического движения покончить с тейлоризмом и фордизмом, французская философ Вайль приходит к противоположному выводу: «сама схема современного производства, то есть большая промышленность» должна быть поставлена под сомнение «с теми промышленными исправительными учреждениями, которые являются крупными фабриками, можно изготовить только рабов, а не свободных работников» [19, с. 104].

Таким образом, страницы «Тетрадей» об американизме и фордизме являют нам Грамши, который не был готов распрощаться с коммунистической традицией, который призывал коммунистическое движение отказаться раз и навсегда от доиндустриальной ностальгии популистского и пауперистского толка, который критикует «антиамериканизм», и, который выступает за марксизм, очищенный от любого мессианского пережитка.

Список использованных источников и литературы

1. Benjamin W. «Moskau» (1927). – Torino: Einaudi, nuova ed., 2007. – 324 p.
2. Bloch E. Geist der Utopie (1918: erste Fassung). – Suhrkamp, Frankfurt a. M., 1971. – 364 p.
3. Figes O. La Rivoluzione russa 1891–1924. – Milano Tea, 2000 – 425 p.
4. Furet F. Il passato di un'illusione. L'idea comunista nel XX secolo, Mondadori, Milano. 1995 – 640 p.
5. Gramsci A. La costruzione del partito comunista 1923–1926. – Torino: Einaudi, 1975 – 565 p.
6. Gramsci A. Quaderni del carcere / A cura di Valentino Gerratana. – Roma: Editori riuniti, stampa 1977. – 1380 p.
7. Gramsci A. La città futura 1917–1918/ A cura di Sergio Caprioglio. – Torino: Einaudi, 1987. – 995 p.

8. Gramsci A. L'Ordine Nuovo 1919–1920 / A cura di Valentino Gerratana e Antonio A. Santucci. – Torino: Einaudi, 1996. – 500 p.
9. Gramsci A. Lettere dal carcere 1926–1937 / A cura di Antonio A. Santucci. – Palermo: Sellerio, 1996. – 266 p.
10. Heidegger M. Il pensiero poetante: la produzione lirica heideggeriana, 1910–1975. – Milano: Mimesis, 2000. – 281 p.
11. Lenin V. Opere complete, Editori Riuniti, Roma. 1955–70 Roma: Rinascita, 1954. – 558 p.
12. Losurdo D. Democrazia o bonapartismo. Trionfo e decadenza del suffragio universale. – Torino: Bollati Boringhieri, 2007. – 353 p.
13. Losurdo D. Stalin. Storia e critica di una leggenda nera. – Roma: Carocci, 2013. – 382 p.
14. Losurdo D. La lotta di classe. Una storia politica e filosofica. – Roma-Bari: Laterza, 2015. – 387 p.
15. Luxemburg R. Die Russische Revolution (1918) / Traduzione dal tedesco e introduzione a cura di Onorato Damen. – Milano: Ed. Prometeo, 1957. – 200 p.
16. Marx K., Engels F. Scritti sull'arte. – Roma-Bari: Laterza, 1973. – 240 p.
17. Trotskij, L. La rivoluzione permanente: I temi e le idee fondamentali del trotskismo e della quarta internazionale. – Verona: Einaudi, 1967. – 295 p.
18. Vacca G. Vita e pensieri di Antonio Gramsci. 1926–1937, Collana Storia. – Torino, Einaudi, 2012. – 215 p.
19. Weil S. Oeuvres complètes, a cura di A.A. Devaux e F. de Lussy, Tome II, Écrits historiques et politiques. – Paris: Gallimard, 1989–91. – 278 p.
20. Werth N. La terreur et le désarroi. Staline et son système. – Paris: Perrin, 2007. – 304 p.

Koskova A. S. Features of Antonio Gramsci's view on the post-revolutionary era in Soviet Russia and the question of Gramsci's final break with the communist ideology

This article discusses some of the controversial issues in the Western historiography of Antonio Gramsci on the theme of the October revolution and the Civil war. It touches on the thesis of the distancing of Gramsci from Soviet Russia and the Communist movement, the view of the Italian thinker on the emerging new social order in the USSR after the revolution, Gramsci's assessment of revolutionary and post-revolutionary events and their analogy in the world history. The author of the article analyzes the concepts of the State, Americanism and Fordism, Caesarism, New economic policy, the role of the Bolsheviks in the formation of a new order in the discourse of the Italian philosopher. Gramsci's positions in the article are considered in the historical context and are accompanied by the analysis of the thinkers opposite to his worldview.

Keywords: Antonio Gramsci, USSR, Prison notebooks, Ordine Nuovo, Avanti, Grido del Popolo, Caesarism, Americanism, Fordism, State, October revolution.